

18+

Андрей Добжанский

ОПОЛЧЕНЕЦ

Андрей Добжанский
Ополченец

«Издательские решения»

Добжанский А.

Ополченец / А. Добжанский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985417-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В Луганской области начинается война. Украинский олигарх Илларион Романович Ерофеев после госпереворота пытается сохранить свою бизнес-империю. Молодой парень по имени Егор не может найти свое место в жизни. Он не смог устроиться в Киеве на работу и возвращается в Донбасс, где его ждет беременная девушка Вероника. Егор оказывается в эпицентре событий и вступает в ополчение. Он через многое проходит, защищая свою землю и ее жителей. Главное его желание — увидеть сына. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985417-9

© Добжанский А.
© Издательские решения

Содержание

Андрей Добжанский	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ополченец

Андрей Добжанский

© Андрей Добжанский, 2020

ISBN 978-5-4498-5417-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Добжанский
Ополченец

Часть 1

Он посмотрел на себя в зеркало, потер седую щетину. «Да, годы идут, Ларик. Куда быстрее, чем хотелось бы, – шептал мужчина своему отражению. – Вот и преклонный возраст подбирается. А проблем меньше не становится. Как так получается? Вся жизнь борьба. Ох, как я устал бороться! Хочу покоем насладиться, хочу тратить деньги, тискать молодых баб...»

Открыл дверцу бара, взял коньяк и налил немного в бокал. Свет в квартире был приглушен, не давил на глаза, создавал спокойную обстановку. Сколько нервозности было за последние месяцы, это невероятно. Как все достало: разрывающийся от звонков телефон, скверные новости, льющиеся изо всех щелей, многолетние партнеры, теперь вставляющие палки в колеса. И все надо решать, решать, решать. Слишком беспокойно, будто вернулись 1990-е годы. Нет, это время, скорее всего, даже хуже.

Вышел на балкон. Вид – обалденный. Не прекрасный, завораживающий, живописный, вдохновляющий, а именно обалденный. Это стало решающим фактором в покупке этой квартиры. Внизу расстилался многовековой Киев. Автомобили мчались в свои гаражи, неимущая молодежь показывала свою дурь, плебеи возвращались с работы. Толпы народа приезжали сюда ежечасно, чтобы вкостыть столичной жизни, пробиться из своей теплицы на элитную плантацию, гоняться за неосуществимыми мечтами. Студенты, простые работяги, молодые предприниматели. Жизнь их обламывала пачками.

Но не Иллариона Романовича. В столицу он перебрался уже состоятельным человеком, с солидным счетом в различных банках. Он владел несколькими крупными предприятиями на Донбассе: горнообогатительным заводом, угольной компанией, предприятием по производству удобрений и химикатов, швейной фабрикой, мясокомбинатом... И это только самое прибыльное и крупное в его небольшой империи. Успешный бизнесмен крепко стоял на ногах к моменту окончательного переезда в Киев. В родном Донцове жить стало просто неудобно – главные деловые контакты находились в столице Украины. Для роста и развития требовалось сделать следующий шаг. И постепенно из местной, региональной элиты он переходил на новый, государственный уровень.

Карьера удачливого и решительного Ларика началась еще в советское время, но по-настоящему его жизнь преобразилась в 1993 году, когда удалось заработать свой первый миллион. В самом разгаре была эпоха первоначального накопления капитала. Кто смел, тот и съел. Самое удивительно для коллег Иллариона, если можно их так назвать, было то, что он всегда выходил сухим из воды, удача любила его.

«Скольких я сломал, – это была не ностальгия, а скорее тревога. Осознание, что придется расплачиваться. – Многие пытались сломать и меня. Но не смогли. Я оказался более увертливым, хитрым и решительным».

Бизнес-империя расширялась на всю Украину. Вскоре появились предприятия в Винницкой, Львовской, Хмельницкой областях. С Одессой как-то не заладилось, не получилось. Но ущерб был минимальным.

Контакты с администрацией президента, инвестиционные проекты, меценатство, благотворительность. Все это сделало из Иллариона Романовича очень серьезного человека, имеющего влияние практически на всей территории страны. Он постоянно сбивался, когда пытался подсчитать свои деньги. И решая, куда вкладывать их, богачей заключил, что выгоднее всего вкладывать в президента.

Зазвонил мобильный. Мужчина вернулся в комнату и, прежде чем ответить, снова отхлебнул коньяка.

– Алло, Ларик! – жесткий и властный голос неприятно резанул слух.

– Да, Борислав. Здравствуй!

– Как самочувствие и настроение?

– Могло бы быть и лучше. Сам понимаешь.

– Где наша не пропадала! Разберемся.

– Что-то не уверен я в этом, – хрипло отозвался Илларион Романович.

– Ничего. Один развал государства пережили, переживем и второй.

Он ничего не ответил.

– Ты уже выводишь деньги? – спросил собеседник грубым, но тревожным голосом.

– Да, постепенно.

– Надеюсь, в Россию?

– На Запад, – неопределенно ответил олигарх.

– Ты с головой дружишь? Они же могут в любой момент заморозить счета, как только получат запрос от этих новых властей. Я свои перевел в Россию. Советчики сказали, что так надежнее.

– Может быть. Но у меня много западных партнеров, в том числе и банков. Поэтому я так решил.

– Ну смотри, не прогадай. Что с предприятиями?

– Борислав, я немного занят. Давай завтра переговорим.

– Как знаешь, я всего лишь хотел помочь. Мы не первый год вместе работаем. У меня доля в твоём бизнесе.

– Я понимаю, но что мы можем сделать сейчас? Мы стремительно теряем власть.

– Деньги никогда не теряют власть. И пока они у нас есть, мы тоже можем повлиять и договориться. Не хворай.

Илларион понимал, что надо предпринимать какие-то действия, заручиться гарантиями безопасности и сохранности своего бизнеса. На него накатила волна апатии. «Как же все надоело. Что за жизнь такая?» – вздохнул богач. Что можно предпринять? Связаться с представителями новой власти, устроить встречу с нужными людьми, решить вопрос безопасности и неприкосновенности, на что уйдет огромная сумма. Илларион лег на пол и решил попробовать другой вариант, менее затратный по деньгам и силам. Он набрал Вику. Безотказную любительницу денег и развлечений, нашедшую состоятельного мужчину. Ее мечта сбылась, она сумела, она смогла! Олигарх презирал эту куклу, но она помогала снимать напряжение. Когда у тебя много денег, то искренних людей вокруг не остается. Но неформальное общение необходимо любому человеку. Остается лишь презирать лстящих и ищущих выгоды. Илларион Романович закрыл глаза и захотел заплакать, подумав о своей бывшей жене Полине и двух детях – Владе и Розе. Не сумел он много лет назад сохранить целостной свою семью. Бывшая супруга ненавидит, дети не общаются и носят другую фамилию, чтобы откреститься от отца. Вместе с ними из его жизни ушли последние люди, остались лишь куклы на веревочках, которыми можно манипулировать. Главный инструмент – деньги. Но верность за баксы не купишь.

Ему хотелось плакать, алкоголь усиливал эмоции, острое чувство потери прожигало грудь. Слез не было, они высохли когда-то давно, вместе с совестью. Да, эти проблемы, моральные терзания богачей стары как мир. Тогда почему не удастся избежать этих ошибок? Почему рушатся семьи, почему друзья отдаляются, почему меньше искренности в людях и все видят вместе силуэта человека образ мешка со знаком доллара? Рефлексия всегда была чужда Иллариону Романовичу. Никогда старался не терзаться он тяжкими думами о моральных аспектах его бизнес-деятельности и взаимоотношений с людьми. Но тут, видимо, старость начала брать свое.

Вика не принесла облегчения, она не была той женщиной, которые спасают. Не избавила от терзаний, не утешила, не сказала доброго слова. Она все болтала и болтала, лежа на его руке, а олигарху становилось только хуже. Он встал с высокой кровати, открыл ящичек резной тумбочки, достал пачку долларов и кинул в нее, словно камнем.

– Пошла вон отсюда. Чтобы никогда я тебя больше не видел.

– Что это такое? Ты обращаешься со мной, как с проституткой!

– Это для тебя открытие? Не смей меня. Сама знаешь, кто ты есть. Тебе ведь деньги нужны? Так вот они! Хватит на несколько месяцев твоего жалкого существования. За это время успеешь найти нового папика. И не говори, шмара, что я не заботился о тебе! – он злобно, как в фильмах, рассмеялся. Жест и речь были ну уж очень театральными. Только Вика этого, естественно, не поняла.

– Ты как-то изменился, – собирая вещи, со слезами в голосе произнесла она.

– Какое тебе дело до этого, – хмыкнул Илларион Романович и презрительно добавил: – Шавка.

После того, как Вика ушла, на душе стало еще хуже от осознания того, в какую сволочь он превратился. Что он взелся на бедную девочку. Ну не наградили ее высшие силы талантами, живет как умеет. Разве заслужила она такого обращения?

– Заслужила! – выкрикнул он в ответ на свои терзания. И тише добавил: – Мы все получим то, что заслуживаем.

Несколько часов Илларион Романович провел в дреме. Из сонного состояния его вывел звонок. Трезвонил директор агрокомпании в Виннице.

– Егорка, чего ты посреди ночи...

– Илларион Романович, началось!

– Что началось? – глаза олигарха округлились.

– Щемить нас начали.

– В каком смысле? Кто?

– Судя по всему, националисты. Они явились ночью на наш агрокомплекс и захватили его. Позвонили мне и сказали, что им требуются все документы на собственность, что у меня есть.

– Подожди. Как вломились? А охрана где была?

– Наша охрана, видимо, нас не очень долюбиwała. Короче, они без проблем впустили нациков. Да и что десять мужиков, хоть и с оружием, сделают против трех сотен? Стрелять они не стали, конечно же. В общем, охрана предала. Комплекс в руках националистов. Что мне делать?

– А что милиция, власти?

– Простите, Илларион Романович, но не мне вам рассказывать...

– Да, я тебя понял. На них надеяться не приходится.

– А может с Серьезным связаться?

– Егорка, да это все уже бессмысленно. Решаться все равно будет не там. Ты, в общем, все документы спрячь, если вдруг к тебе придут. А лучше вообще уезжай, давай ко мне в Киев. А то попадешь под раздачу.

– Я понял вас.

Ну вот и началось. Первый кирпичик из здания выбили. Нет, все-таки надо что-то делать. Если пустить ситуацию на самотек, то все развалится. Новости о рейдерском захвате его предприятия ничуть не удивили бизнесмена. Он все это понимал. Единственное, в чем заключался шекспировский вопрос, – это бороться за свое или уже хватит, пора уходить на покой? Никак олигарх не мог четко для себя определить план действий и цели. Его пожирала сомнения. Лет в сорок он не задумывался бы, он раздавил бы и уничтожил своих противников, нашел выход из ситуации и вышел победителем. Но сейчас лень упала на плечи, причем не сиюминутная, а всеобъемлющая, тяжелая.

До утра он валялся на кровати с закрытыми глазами и обдумывал сложившуюся ситуацию. В семь утра направился в душ. Чтобы взбодриться, включил холодную воду. Прохладные

струйки положительно действовали на мозг, который отряхнулся от ненужного и снова работал, освещенный своим великолепием.

Вернувшись в комнату, включил телевизор. Многие ненавидели и презирали это устройство, неуважительно именуя его зомбоящиком. Илларион Романович не понимал таких бес-талантных и недалеких людей, не умеющих использовать информацию. Он всегда смотрел телевизор и читал новости. Однако, в отличие от обычных смертных, олигарх еще и узнавал необходимые ему вещи у своих источников. Каждый день он пытался составить картину произошедшего за последнее время. Ведь все это могло повлиять на бизнес. На его империю.

Телевизор вещал про какую-то ерунду. Илларион Романович включил ноутбук и полез читать новостные сайты. Наткнулся и на статью, которая касалась непосредственно его самого.

«В Украине продолжают происходить вооруженные конфликты, и неизвестно, когда они закончатся. На руках у людей много оружия, в том числе травматического и огнестрельного. Несмотря на то, что Евромайдан закончился, бывшие участники столкновений продолжают применять на практике полученный опыт.

В Виннице три сотни человек захватили агрокомплекс, который принадлежит известному стороннику бывшего президента Виктора Януковича Иллариону Романовичу Ерофееву. Недовольные жители Винницы вышли, чтобы высказать свой мнение в отношении олигарха.

– Пусть он валит вслед за своим Януковичем, пусть в России обворовывают страну, а нашу Украину не дадим!

– Это наша земля и наши заводы! Они принадлежат народу, поэтому мы имеем право здесь находиться! Я считаю, что новая справедливая киевская власть должна арестовать Ерофеева, он спонсировал преступный режим Партии регионов.

В составе нанятых бойцов выделялись два основных типа. Первые – это совсем молодые парни, одетые во что попало, которые просто ломали и крушили все вокруг, на вооружении у них были биты, обрезки труб, гаечные ключи. Другая группа – опытные бойцы, одетые в синюю камуфляжную форму. Они были основным ударным отрядом, имели пистолеты и обрезы охотничьих винтовок, дымовые пашки и светошумовые гранаты. При этом часть нападавших называла себя бойцами Самообороны Майдана, а другие – бойцами «Правого сектора». Во время штурма агрокомбината звучали патриотические выкрики «Слава Украине».

У предприятия дежурило две кареты скорой помощи. К медикам обратилось три охранника – двое с резаными ранами и один мужчина с огнестрельным ранением в ногу».

– Все-таки охрана что-то предприняла! – практически восторженно вскрикнул Илларион Романович.

Скромно позавтракав, он нашел в записной книжке контакты необходимого человека, непосредственно связанного с новой властью. Долго не мог дозвониться. Но через час это дало результат.

– Какие люди серьезные меня беспокоят, – с сарказмом ответил собеседник. Важный человек из новой администрации президента по имени Тарас Ковш. Раньше работал уборщиком в Верховной Раде, но волна «Революции Гидности» вынесла его из пучины, сделав за короткий период видным деятелем. Конечно, помогло, что раньше он стучал на депутатов нужным людям. Те, в свою очередь, не забыли, что есть такой замечательный сподвижник, адепт прозападных идей.

– Приветствую. Я думаю, ты в курсе уже, что у меня стряслось в Виннице.

– Ну как же. Сейчас сюжеты о тебе в топе новостей, – неприязнь звучала в каждой произнесенной букве.

– Мне нужно решить все эти вопросы. Мне надо встретиться с ними.

– А как мы можем помочь-то? Народный гнев – он неуправляем, сам понимаешь.

– Хватит меня за идиота принимать. Я заплачу много денег, взамен мои предприятия должны остаться и работать.

– Много – это такое неконкретное число.

– Тебе лично я заплачу пять миллионов долларов, если замолвишь за меня словечко.

– Лет десять назад я бы даже не задумывался. Но сейчас для меня это не такие уж и большие деньги. Все твоё добро стоит в тысячи раз дороже. Лучше я получу часть от твоего пирога.

– Да пошел ты!

Илларион Романович мало верил в то, что удастся договориться полюбовно, но попытаться стоило. Понятно, из него решили сделать показательный пример. Наверняка, у многих его соратников начались или начнутся похожие проблемы.

Буквально в считанные дни его империю, если действительно представить ее в виде пирога, значительно понакусывали и поделили. Практически все значительные компании и имущество на западе Украины забрали. Помочь, понятное дело, ни прокуратура, ни милиция не могли. Да и навряд ли хотели. Но крупные промышленные гиганты на территории Донбасса оставались еще в его руках. Он понял, что надо договариваться с людьми на местах. Даже лучше самому туда отправиться, чтобы лично вести дела.

Несколько часов усиленной работы мысли привели к возникновению, в принципе, неплохого плана. Он собрал некоторые важные документы, паспорта и деньги из сейфа. После этого вызвал своего водителя. Направились они в аэропорт, небом и быстрее, и безопаснее. По дороге можно встретить кучу неадекватных отморожков. Все прошло без сучка, без задоринки, и самолет взмыл в облака.

В Донецке его встретили управляющие компаниями, повезли в ресторан, где можно было и поговорить, и поужинать. Илларион Романович сразу выделялся среди этих солидных мужчин. Видно было, кто вожак в стае. Окружающие понимали, что весь их успех и богатство – благодаря Ерофееву.

– Ну что будем делать, Романыч? – сказал Федор Леонидович, пожалуй, самый авторитетный после самого олигарха.

– Мы должны во что бы то ни стало сохранить все наши заводы на Донбассе. С запада страны нас вытесняют. Егор Пономар из Винницы до меня в Киев так и не добрался. Не могу ничего узнать про то, куда он делся... Надеюсь, с ним все в порядке... Но на востоке мы сильны, это наша вотчина.

– Что конкретно надо делать? – влез нетерпеливый и самый молодой Ростик.

– Конкретно? Продолжать вести бизнес.

– К власти приходят люди из народа. Это чревато, они нас не особо любят...

– Это понятно, – моментально отреагировал Илларион Романович, и будто стал еще больше, нависая над всеми горой. – Мы должны продумать шаги, быть очень аккуратными. Все должны быть осторожны в своих политических высказываниях. Никто на словах не должен поддерживать киевский режим, там я сам буду разбираться. Не высказывайтесь и в поддержку Донбасса. Любое ваше слово в такое время может уничтожить все, над чем мы так долго работали.

– В общих чертах все понятно, – протянул Федор Леонидович. – Но как избежать эксцессов.

– Никак. Они в любом случае будут. Надо быть готовыми морально и физически к этому. Без моего ведома не предпринимайте никаких важных шагов, потому что это аукнется всем. Я всем буду заниматься лично, – Илларион Романович окинул присутствующих внимательным взглядом. – С Киевом надо разговаривать с позиции силы.

– Да, Романыч, – поддержал Федор Леонидович. – Мы должны выстоять, другого выбора у нас нет. Будем царапаться до конца.

– И я так подумал. Нам есть, что терять. И свалить нас не так-то просто, как они думают.

Затем олигарх попрощался со своими бизнес-партнерами. Вместе с ним ушел и Федор Леонидович, в машину которого они сели. Илларион провел рукой по седым волосам и вздох-

нул. Товарищ сделал вид, что не заметил его усталого жеста. Водитель-телохранитель завел иномарку и медленно покатыл по широким улицам Донецка. Богачи молчали. Вроде бы обсудили все дела, все понятно и без слов.

– После церкви направо поверни, – сказал Илларион Романович водителю. И обратился к другу. – Ты детство вспоминаешь?

– Конечно. Сейчас все чаще, – отозвался Леонидович. – Родителей вспоминаю, как с ними было хорошо в детстве. И сердце так щемить начинает. Так тяжело становится. Время-то уже прошло...

– И как ты с этим справляешься?

– Переключаюсь на мысли о внуках. Сразу легчает. Семья должна процветать.

– Семья, – протянул олигарх, вспоминая о своей жене и детях. – Не всем повезло так, как тебе.

Ерофеев попросил водителя остановиться возле многоэтажки, окруженной небольшими домами. Он сказал, чтобы они ждали его здесь, а сам уверенными шагами ушел и потерялся в глубине строений.

Дух здесь сохранился тот же, что и пятьдесят лет назад. Да и облик родного двора практически не изменился. Видно, что дороги ремонтировали, но они снова изнашивались. Видно, что люди стали чуть богаче жить, вставили пластиковые окна и отделали балконы. Для детишек места стало меньше из-за обилия машин, припаркованных то на площадке, то на газоне, то еще где. Но воздух... он пьянил. И олигарх почувствовал себя снова мальчишкой, счастливым и непоседливым. И причудилось ему, что вся жизнь еще впереди. Неописуемый восторг нахлынул на него волной. Такое же чувство, как перед прыжком с большой высоты в воду – небольшая тревога и радость, когда выныриваешь и делаешь первый глоток воздуха. Того самого.

Удивительно подействовал на Иллариона Романовича этот нечаянный приезд в родной двор. Он отогнал сомнения и укрепился в решении, что нужно бороться. Он уже не сомневался. Олигарх почувствовал себя обновленным, молодым, готовым сломать хребет любому, кто покусится на его добро. Все еще впереди.

Дорога в Киев показалась быстрой и даже приятной. Возвращаться назад всегда почему-то быстрее. Он был готов бороться за свое место под солнцем, но не предполагал, с какими неприятностями столкнется. Но все это будет потом.

Сейчас, находясь уже в своей киевской квартире, он набрал набивший оскомину номер, выученный наизусть.

– Алло, Вика. Привет. Очень хочу тебя видеть, приезжай немедленно. Папочка соскучился.

От любительницы красивой жизни не последовало ни одного возражения. Ее достоинство... Собственно, его никогда и не было. Через полчаса они кувыркались в постели, Илларион Романович проявлял юношескую прыть, а красавица выполняла все его прихоти. И вроде все было как всегда.

* * *

Внешность его не особо располагала. Нельзя сказать, что он был симпатичным или хотя бы приятным. Он походил на какого-то грызуна, людей это отталкивало на подсознательном уровне. Черты лица – острые и резкие. Спина сутулая, телосложение худощавое. Единственное, что в нем могло привлечь внимание – это голос, совершенно не соответствовавший внешности. С таким голосом можно было работать диктором на радио или заниматься озвучкой фильмов. Чистый, спокойный и бодрящий, как холодная вода поутру. Поэтому его всегда слушали в компаниях, хотя рубахой-парнем он не был. Но голос его имел магические свойства; как только он начинал говорить, внимание друзей поневоле оказывалось у него в кармане. Он словно гипнотизировал. Сквозь веселый шум его слова без препятствий проникали прямо в мозг.

Что сказать о его характере? Очень замкнутый, осторожный и недоверчивый. При этом имел силу, но не пользовался ею. Его никогда никто не трогал в школе, хотя был он шуплым. Какое-то неосознанное уважение вызывал он у старшеклассников. При этом почти никогда не дрался. В нем был потенциал директора фирмы, но он всю свою недолгую пока карьеру работал лишь разнорабочим у себя в Станице Мироновской. Вот так в нескольких словах можно описать Егора Медянова, простого двадцатипятилетнего парня из луганской глубинки.

Сейчас он был далеко от дома, в стольном украинском граде искал место, где можно заработать. Но ничего не клеилось. Отгремел Евромайдан и кругом была разруха. Не столько территории, сколько умов людей и их жизней. Очень не повезло Егору. Приехал, чтобы попытаться счастья, а тут этот Майдан, свержение власти, убийства, выстрелы, разбои. Все не в руку. Он чувствовал себя самым большим неудачником. Приехал в Киев как раз под Новый год, и тут понеслось. Небольшая накопленная сумма уже почти кончилась, а работы не было даже на горизонте. Он бродил по темным и холодным улочкам, размышляя над своими дальнейшими действиями. И ничего лучшего, чем вернуться домой он не мог придумать.

«Дома одинокая мама, ей надо помогать. И так уже несколько месяцев не видел ее», – размышлял парень. Они были очень близки. Свою маму Егор считал лучшим другом. Без нее ему было неимоверно тоскливо, одиноко и бессмысленно.

А еще дома его ждала Вероника. Ждала с успехами и хорошими новостями. В конце концов, с деньгами. Но денег не было. Как и мало-мальски заметных успехов. В затруднительное положение попал Медянов. Он не знал, что делать. Разве он был виноват в том, что сейчас никто не берет на работу? Разве он устроил этот переворот? Нет, ему всего лишь не повезло, не угадал со временем. Что он мог с этим поделать? Была ли здесь его вина? Однако Ника все повернет именно так. Егор легко мог представить себе ее слова, сам мог написать их будущий диалог. От этого на душе становилось противно, ведь она его не поймет, не простит и не поддержит. Многие думают, что основной стартовый капитал – это деньги. Нет, друзья мои, на самом деле это вера. А в него она не верила. Из-за этого он и сам в себе разуверился и разочаровался.

«Почему мне так не везет? – думал парень. – Неужели назад придется возвращаться с пустыми руками? Даже с убытками. Все деньги, накопленные за последние годы, сожрала столица. Как жить-то?»

Он сидел во дворах на окраине города. Темень, холодно, грязь, ветер и противная слякоть. Никого не было, даже свет в окнах домов почти не горел. Появился мужчина с шаткой походкой, несколько раз споткнулся и в итоге упал. Начал что-то нечленораздельно, но громко говорить, ругаться. Он барахтался, пытаясь поднять свое непослушное тело. У Медянова закралась нехорошая мыслишка, подогреваемая положением, в котором он оказался. Парень быстро, но внимательно огляделся по сторонам, убедившись, что никого нет. Тогда он сильней укутался в куртку, ссутулился и медленной походкой направился к пьяному мужику, продолжавшему валяться в снегу и грязи. Егор сделал вид, что проходит мимо, снова проверил, нет ли людей, и уже после этого с размаху ударил нетрезвого киевлянина ногой. Тот перевернулся на спину, попытался что-то сказать, видимо, угрозы или протест, но получил удар ботинком в лицо и затих. Медянов разглядел, что одет мужчина был довольно прилично. Парень шарил по карманам пьянчуги, нашел два телефона, один из которых был дорогой, и портмоне. Из кошелька приветливо улыбалась пара тысяч гривен. Для Егора это были хорошие деньги. Он держал награбленное в руках, когда в голове произошла вспышка.

Он снова оказался возле той церкви. Вокруг горят факелы, молодые парни в балаклавах, с цепями и битами окружили храм. У некоторых красно-черная националистическая символика. Они выкрикивают ругательства. «Прочь с нашей земли, русские оккупанты! Нам не нужны ваши церкви! Прочь! Мы их уничтожим!» – летят слова из их глоток. Настроена толпа более чем агрессивно. Все понимают, что трагедии не избежать. Сотни человек стоят возле храма. Вскоре он вспыхнет и будет гореть. А внутри люди! Простые горожане, пришед-

шие помолиться и поставить свечку, священнослужители, батюшки, ключницы... Они находятся в ловушке. На мороз в одной рясе выходит настоятель храма. У него большой крест на груди и уверенный взгляд. Он смотрит на все это безобразие. Настоятель не показывает, что ему страшно. Кажется, что он сейчас превратится в рыцаря и вступит в битву, как в былинах. Но батюшка возвращается в церковь. Это вызывает еще больше агрессии у толпы. Трагедия близка, люди все больше теряют человеческий облик. Уже начинают лететь камни, бьющие по стенам и стеклам. Кто-то кинул несколько факелов, упавших на землю и растопивших снег. Дверь храма снова открывается и начинают выходить люди, в основном женщины, с батюшкой во главе. Они полукольцом становятся вокруг обители своей веры, вокруг места, где, по преданиям, обитает Бог. Егор, находясь не в толпе беснующихся, а чуть поодаль, повинувшись своему необъяснимому порыву, подходит к вышедшим из храма людям и становится с ними в один ряд. В этот момент они берутся за руки и несколько женщин начинают петь церковные песни. Медянов чувствовал дрожь, перетекающую из чужих ладоней к нему, и пытался ее погасить своей уверенной рукой. Все еще продолжали лететь камни и ругательства. Десяток верующих стоял на коленях, прося милости, а вокруг было красным-красно от факелов, слышался противный запах жженой резины, агрессивные люди лаяли, как псы, но будто бы были в ошейниках и на привязи, клацали зубами возле самого лица, но не могли дотянуться. В тот вечер ничего не случилось. Митингующие в итоге разошлись. Церковь отделалась несколькими разбитыми стеклами.

– Господи, что же я делаю? – вслух сказал Егор и посмотрел на награбленное в своих руках. Затем бросил назад мужику и поспешил скрыться со двора.

Поезд привычно шумел. Народ развлекался, как мог: одни разгадывали кроссворды, другие выпивали, третьи пытались познакомиться с молодой проводницей. Обычная жизнь любого поезда на территории бывшего СССР. У Егора были противоречивые чувства – радость от возвращения домой после нескольких месяцев мытарств и тревога от предстоящего очередного разочарования Ники. Он понимал, что является настоящим неудачником. Вероника утвердится в своем мнении, что Егор – никто и не способен ничего добиться. Ему не везло, очень сильно и долго. «И вероятно, уже не повезет!», – сжал губы парень.

Свои объятия раскрывала весна, самое доброе и жизнеутверждающее время года. Вскоре все зазеленеет, оживет, откликнется, зацветет. Но никакого значения эти метаморфозы для Медянова не имели, потому что он проиграл.

После долгого пути он ощутил, что находится на своей земле. Почувствовал ее сверхъестественную силу, могущество, влияние. Через час его остановка – Станица Мироновская. Егор редко уезжал из дома, но всегда с удовольствием возвращался. Поезд сбавлял обороты, колеса крутились все медленнее. Маленькая полузаброшенная железнодорожная станция приветливо встречала. Вот ты и дома. Составы снова двинулись в свой непрекращающийся вояж, а он остался стоять на асфальте, который был сплошь покрыт ямами со снегом и водой.

– О, Медный! – окликнули его знакомые голоса. – Ты что ли? Давно тебя не видно было... Где пропал?

К нему подошла небольшая компания, с пивом и сигаретами. Подростки кутались в старые куртки, шмыгали носами и терли замерзающие руки.

– Да в Киев ездил.

– А, точно. Кто-то говорил. Ну и что там, в столице-то?

– Да ничего, беспредел сплошной. Майдан очередной. В этот раз они-таки скинули власть.

– Уроды. Слышал, в Крыму уже вежливые человечки. Скоро там референдум проведут о присоединении к России.

– Нет, я как-то пропустил это.

– Да весь юго-восток гудит. В Луганске недавно стрельба была, разборки. Харьков бунтует, Донецк, Одесса.

– Судя по всему, не утихнет скоро, – резюмировал Егор.

– Медный, давай бухнем. Деньги-то есть?

Выпить ему сейчас не помешало бы. Не хотелось ни домой к матери, ни к Нике. Но и денег не было.

– Я с дороги, устал. Потом как-нибудь.

– Ну смотри сам, как знаешь.

– Вы это, Нику мою не видели? – зачем-то спросил Егор.

– Да нет, она же не выходит. Холода, а у нее уже пузо какое.

Медянов махнул рукой местным подросткам и побрел к своему дому. Уже вечерело. В домах Станицы Мироновской включали свет. Дым густо валил из труб, согревая одинокие стены. Где-то еще весели новогодние гирлянды, возле некоторых дворов были украшены елки. Но это только усугубляло убогий вид поселка. Вот появятся свежие листья, раскроются цветы, разыграются птицы, тогда и разруха будет не такой заметной.

Он дошел до своего тупичка. Улица, на которой жил Медянов, заканчивалась высоким кирпичным забором, за ним умирали пустующие цеха небольшого заводика, который раньше кормил всю станицу. После развала Советского Союза завод пришел в упадок и закрылся через несколько лет. Но даже после этого предприятие продолжало кормить население, растягивающее его на металлолом. Медный тоже лазил туда с друзьями и забирал все, что плохо лежит. Сдав непонятные детали и установки на металлолом, молодежь получала копейки, достаточные, чтобы погулять.

Мать уже спала, окна не горели. Он присел на лавочку за двором и закурил. Облокотился на холодный шифер и посмотрел на красный кирпичный забор в тупике, его еще можно было разглядеть. Егор размышлял, почему все пришло в запустение, кто виноват в этом. Распавшееся государство или распадающиеся люди? Вот и сейчас Украина рушится. А может быть нет? Может, мы слишком пессимистичны? В чём смысл этих рассуждений, ведь ты все равно ни на что повлиять на самом деле не способен. Это действительно так. Ведь ты неудачник. Тебе осталось только смотреть истории успешных людей по телевизору. И оставаться неудачником. Я запомнил: я тебе уже говорил, что ты неудачник? Да? Хорошо. Запомни это.

У Егора были ключи от дома, но он предварительно сильно постучал в окно. Зайди он в дом без стука, сонная мама могла бы просто испугаться. Услышал, что в доме начали ходить, в дальней комнате зажегся свет. Открыл калитку и вошел в небольшой дворик, поднялся по хлипким деревянным ступеням, споткнувшись, и вошел в сени. Мама уже вышла к нему навстречу.

– Привет, мамочка. Ну чего ты плачешь? Хлебом тебя не корми, дай поплакать.

– Сынок. Да ты с того Киева проклятого вернулся. Знал бы ты, как я переживала.

– Ну с Киева. Не с войны же.

А сам снова вспомнил про оборону церкви, про живую цепь, защищавшую храм от националистов.

– Да нам тут показывали, что творилось у вас там. Как я переживала.

– Мамуль, ну что ты, в самом деле. Это все только в центре было. Я этого Майдана и не видел толком. Раз только прогулялся на Площадь Независимости.

– Ну, главное, что живой. Ты кушать хочешь?

– Да утром уже. Устал я что-то с дороги.

Нормально поспать не получилось. Он то проваливался в сон, то снова накатывали переживания и мысли о дне завтрашнем. Все сходилось в одной точке – Веронике. Не повезло ему, просто так случилось. Не всегда получается, как хочется и мечтается. Впереди предстояла встреча с главной девушкой его жизни. Не было никого до нее, не будет после. Она

единственная. А он ее разочарует. И снова упреки: «Ты не мужик. Вон на других посмотри. У всех машины, дома, работы. А ты нищерброд». Вот такие тупики постоянно образуются в жизни, думал Егор. И кто так криво строит дороги, что они постоянно приводят в тупик? Взять бы базуку и разнести его.

Пасмурное утро давило на голову. И давление скакало, как любители Европы на Майдане. Вставать не хотелось. Мать Ульяна, которую все называли Уля, пришла в комнату, и они долго говорили. Он позавтракал свежее испеченными пирожками, запив их компотом. На улицу не хотелось. Казалось, что прямо за дверьми стоит Ника и ждет его, а в руках у нее древнегреческий пергамент с сакральными претензиями, написанными еще во времена сотворения мира. Он побродил по дому, пытаясь найти себе применение. Сел у окна и смотрел на капающий дождик. Не хотелось ничего.

Ощущение ненужности заполонило его. «Вот говорят, что нужно ценить каждый день, использовать каждую свою минуту, чтобы она не пропала даром. По-моему, это бред. Я, наоборот, хотел бы промотать несколько лет, как на кассете. Несколько неприятных лет», – думал Егор. Однако сам он не мог ответить на один простой вопрос: какие годы надо промотать, предыдущие или последующие?

Выйдя покурить за двор, он встретил Андрюху Шишкова, который жил у самого кирпичного забора. Они учились в разных классах, Андрей был на пару лет старше, но всегда были дружны. После того, как Шишков окончил школу и уехал учиться в Луганск, они редко общались, виделись всего пару раз.

Егор обрадованно улыбнулся, увидев старого друга. Хоть какие-то положительные эмоции! Андрюха сначала не поверил своим глазам.

– Медный, ты что ли? – наигранно выпучил глаза.

– Ну, а кто еще?

Андрей подбежал к нему, подхватил в объятиях.

– Старик, сколько я тебя не видел, а? Года три уже! – с широкого лица Шишкова не сползала улыбка. – Как поживаешь, брат? – тоже достал сигарету.

– Да... Могло быть и лучше. Только из Киева вернулся. Да вот ни копейки там не заработал. Только потратил. Короче, не буду тебя грузить. Нормально все. Все, как всегда, Андрюха.

– Ты все так же с Никой встречаешься?

– Если это можно назвать отношениями вообще. Она ждет ребенка, а у меня денег нет. То есть, совсем нет. Вот, плодим нищету.

– Да не вешай нос. Ты знаешь, жизнь – это синусоида...

– Мы что, на уроке геометрии?

– Э-э-э, жизнь – это волна, Медный. Иногда ты на ее гребне, иногда она тебя сбивает с ног. В общем, ты либо на коне, либо под конем.

– Да понял я твои аналогии. Только что-то я белых полос сосчитать на своем пути не могу, больно уж их много, – съязвил Егор.

– Так, брат, что-то не нравится мне все это. Хватит хандрить. Бери ноги в руки – и вперед!

– И в тупик, – Медянов махнул рукой на кирпичный забор.

– Верить, что в этой жизни не бывает совпадений?

– Не верю.

– Правильно я понял, что ты без работы сидишь, так?

– В точку.

– Смотри, я могу тебя пристроить в автосервис. Правда, он находится в Ленинске.

– И как ты менястроишь туда?

– Я тебя найму. Я совладелец бизнеса.

Егор, сам того не заметив, повеселел.

– Какие люди, так ты бизнесмен теперь? – без тени иронии сказал он.

– Ну, а ты как думал? Все наладится, братишка. Но учти, мне такие унылые рожи, как у тебя была до этого, не нужны, – засмеялся Андрияха. – Придется ездить, конечно, в Ленинск, но что уж поделать, все равно город близко. Не в станице же торчать. Тут вообще делать нечего.

– Ты все это серьезно? Реально возьмешь меня на работу?

– Я бы такими вещами не шутил. Ты же мой друг, хоть не виделись много лет. Но я помогу всегда, если в силах. Поэтому приезжай завтра в автосервис, там уже поговорим о делах. Кстати, да, телефон свой оставь мне.

Они постояли еще немного, Егор расспросил о жизни своего товарища. Встреча благотворно повлияла на настроение Медного, он немного, совсем чуть-чуть, воспрянул духом. Появилась надежда, которой не было прежде. Появилась работа, скоро он получит деньги, сможет прокормить свою девушку, будущего ребенка. По крайней мере, положено начало. Может, действительно белая полоса началась? Стоило вернуться домой, как подвернулись новые возможности.

«Это очень хорошо, – думал Медянов. – Я смогу смягчить Нику. Может быть, она даже обрадуется». Он хотел верить, что дела пошли на лад.

Друзья крепко пожали друг другу руки, и Андрей пошел по своим делам. Случайностей не бывает, но Егор об этом не знал в тот пасмурный и холодный весенний день. Свежие запахи новой жизни, нового расцвета уже летали в воздухе. Природа готовилась к очередному буйству красок и запахов. К новому бою за свои отношения готовился он, и верилось ему в лучшее.

Ближе к вечеру он снова вышел за двор взглянуть на станицу. Она мирно спала, как и всегда. Ощущение создавалось, что сон этот летаргический. Парень вдохнул прохладный воздух, приятный холодок ощутил внутри. Он неспешно прогулялся по своей улице, свернул после этого направо, в сторону центра поселка, где находился неработающий дом культуры, магазины и бар. Рядом с центром жила и Вероника. Стены ее дома казались новыми и прочными, в отличие от покосившихся соседних домиков. Понятно было, что здесь живут люди не бедные и работающие. Новый кованый забор, пластиковые окна с жалюзи, большой гараж, рассчитанный на несколько машин. Хотя у отца Ники был один старенький джип. Медянов выкурил сигарету, стоя напротив ее дома. Недалеко играла детвора, каталась на велосипедах, радовалась, предчувствуя скорое тепло. В доме зажегся свет, появились силуэты. Он увидел ее, узнал по округлому животу. Решительно подошел к воротам и позвонил. Вышла ее мать, тетя Зоя. Хмуро глянула на жениха, попросила подождать, в дом приглашать не стала. «Собак на порог не пускают», – весело хмыкнул Егор. У него было обоснованно хорошее настроение после встречи с другом. Минут через десять вышла Вероника. Сначала из-за ворот показался ее большой живот. «Богатырь будет», – веселился будущий отец.

У нее были немного раскосые глаза, которые делали ее похожей на азиатку, совсем чуть-чуть. Недлинные кудрявые волосы, вздернутый носик, тонкие розовые губы. Ника зачастую выказывала недовольство без слов, но было понятно. Кислое выражение лица. Она могла одним своим присутствием портить настроение. Она могла напугать и сделать безрадостной даже весну и грядущее тепло. Не Снежная Королева, но ее младшая сестра. Как судьба связала этих двух совершенно разных людей? Ведь не в беременности же дело.

– Вернулся-таки, нагулялся в Киеве? – она при помощи Егора тяжело села на лавку.

– Ну зачем ты так? Я скучал.

– Знаю я ваши скучания, до первой юбки.

– Да хватит уже. Как беременность?

– Нормально, солдат спит, служба идет, – усмехнулась Ника.

– Тебе когда рожать?

– Через три недели. Скоро уже.

– Не волнуйся, все пройдет хорошо.

– А что мне волноваться. Я-то рожу, а дальше что?

– Я работу нашел. В автосервисе. Представляешь, Андрюху Шишкова встретил, а у него свой бизнес...

– Андрюха-то молодец. Да и ты молодец, что нашел работу. Только поздно. Я много думала, у меня было на это время. Все равно у нас ничего не получится. Понимаешь, я не вижу нас вместе в будущем, – бесстрастно говорила Вероника. – Ты, конечно, вроде как отец ребенка. Видеться я не буду запрещать. Но мы ведь не семья.

– Ника, послушай, мы ведь даже не пробовали... Даже вместе не жили, – начал нервничать Егор, пытался найти какие-то аргументы.

– Да мне легче и не начинать с тобой жить, понимаешь? Будем снимать свой угол? Я в декрете, а ты? Копейки будешь приносить? Это не то, о чем я мечтала. Мне легче со своими родителями остаться жить. А там, глядишь, какой-нибудь нормальный мужик с дитем и возьмет. Между нами давно все было кончено, просто мы этого не понимали. Я доверяла тебе, верила в то, что ты чего-то добьешься. Но ты неудачник. Прости, конечно. Я не хочу выглядеть такой... У меня будет ребенок, я должна думать о его будущем, если ты уж не думаешь о нашем.

– Да я думаю! Я все время ищу работу, чтобы заработать на кусок хлеба! В этот Киев поганый ездил.

– Видишь, ты даже в большом городе не смог устроиться. Вернулся ни с чем. Люди уезжают в столицы, возвращаются с большими деньгами. А ты... Что ребенку скажешь? Чему научишь? Что оставишь?

– Ты сама боишься менять свою жизнь. Ты чего достигла? – сказав это, Егор понял, что его понесло совершенно не туда. Он уже жалел о словах, сорвавшихся с его уст.

– Я? Я хрупкая женщина. И именно я решила, что буду рожать, когда залетела. И это ты мне должен быть благодарен, что выносила твоего ребенка. Я вижу, что уважения между нами нет. С твоих слов это понятно.

– Вспомнить, сколько ты мне гадостей наговорила? – Медянов осознал, что вся суета последних лет сейчас провалится в тартарары. Нормальной семьи не будет. Не получилось.

– Послушай, у нас будет ребенок. Общий, – решила подытожить Вероника. – Давай сохраним крупицы того хорошего отношения друг к другу, что остались.

Егор в сердцах выругался бранными словами, плюнул на ворота и ушел, даже не помог подняться беременной Нике. Удивительно, но, несмотря на все, ему стало немного легче. С него сняли ответственность. Последние месяцы, а то и годы, он делал то, что хотели от него окружающие. В частности, Вероника. И ничего из этого не получалось. «Может заняться тем, что нужно мне?» – подумал он. Да, ребенка оставить решила именно она. У него же тогда вообще не было четкой позиции. Сам Егор вырос без отца и особо не жаловался. Но оставлять своего собственного ребенка без отца тоже не хотел. Он долго метался, пока Ника сама не приняла твердое решение.

Легче стало совсем на чуть-чуть. После этого накатило чувство потери. Сколько лет они пытались построить отношения. Десять или пятнадцать? Если брать за начало отсчета младшие классы. Большая часть жизни была связана с этой девушкой. И вот она скоро станет матерью его ребенка, а... а они чужие люди. Всегда можно сказать, что, мол, девки нынче пошли корыстные и недостойные. Но он понимал, что именно на нем лежит большая вина за то, что у них ничего не вышло.

Медянов шел, куда глаза глядят. Просто, чтобы отвлечься. Подумать о хорошем. Например, как он на быстрой скорости едет на дорогой иномарке по ночному городу. Неосознанно он пришел к мосту влюбленных. Да, такой мост есть даже в захолустной Станице Мироновской. Тоненькая речушка задорно бежала, освободившись ото льда. По ней мелкими каплями бил холодный дождик. Металлический мост был скользкий, ржавый и неприветливый. Самое место для влюбленных. Здесь висели десятки замков с чужими именами, но где-то был свой, родной. Вот он, облезший и покореженный, как будто его грызли бестолковые малолетки. «Егор и Ника

вместе навсегда». Сколько им было, когда они, целуясь томным вечером, повесили этот замок? Лет шестнадцать. «Господи, восемь лет назад!» – удивился парень. Он резко вернулся с моста на твердую землю, нашел большой камень и, подойдя к замку, сбил его. Поднял с холодного и мокрого железного моста и бросил в реку. Прощай любовь, здравствуй взрослая жизнь. Егор положил руки на перила, уткнулся в них лицом. Он хотел заплакать, даже несколько всхлипов выдавил из себя. Но слезы не шли. «Может, я и не любил ее, – подумалось ему. – Или давно уже все перегорело».

Надо было учиться жить без нее. Самое противное, что ее все равно не вычеркнуть из жизни, ведь она носит его ребенка. Справится ли он с этим? Вдруг у них снова разгорятся чувства. У женщин так бывает. Наверняка, после родов в ней что-то изменится, она станет мамой. Она станет мягче и добрей. «Поэтому нельзя ставить крест на этих отношениях. Все может быть еще впереди», – размышлял Егор, выйдя на окраину поселка и всматриваясь в серые поля. Что сейчас главное? «Показать, что я на что-то гожусь. Самому себе доказать. Андрюха на работу позвал. Вот завтра прямо с утра к нему и поеду, переговорим, договоримся и начну работать. А там, глядишь, все наладится, если суждено», – утешил себя парень.

«И всё будэ добрэ у кожного з нас», – заиграла песня украинской группы у Егора в голове. Он улыбнулся, вдохнул свежий ветер и пошлепал домой, отряхивая с кроссовок комья грязи. Наверняка, дома ждала мама, переживала, беспокоилась. Знала, что он ходил к Веронике. Егор спешил домой, чтобы поделиться с мамой своими успехами.

* * *

Егор начал работать у Андрея в автосервисе. Он каждое утро рано вставал, чтобы успеть на автобус в Ленинск, который ходил раз в час. Быстро завтракал, целовал маму и, накинув легкую куртку и захватив с собой рюкзак, мчал на остановку.

Работа была несложная, но довольно грязная. Медянов мыл машины, помогал механикам чинить поломанные автомобили, убирал небольшую территорию вокруг здания. Автосервис имел два этажа, на верхнем находился офис компании. Иногда Егор поднимался туда, чтобы попить кофе с Андреем.

– Ну, как тебе работается? – спрашивал друг.

– Да нормально, грех жаловаться. При деле, и уже хорошо.

– Отлично. Ты вникай во все, смотри, как дела делаются. У нас бизнес хорошо идет. Если так пойдет, то еще где-то полгодика – и мы хотим открыть еще один автосервис, на южной части города, на выезде. Понадобится помощник. А толковых людей, которым я мог бы доверять и на которых можно положиться, мало. Поэтому имей в виду. На повышение пойдешь, – поброду усмехнулся Андрюха.

– Да у меня же и образования нормального нет. Я не знаю, что там делать.

– Твоя главная обязанность будет организовывать работу, следить за людьми и решать текущие вопросы с клиентами. На самом деле, ничего сложного. Как там с Никой?

Любое упоминание Вероники для Егора было болезненным. И не столько из-за нее самой, сколько из-за ребенка, который вот-вот должен был родиться. У него в душе был полный раздрай. В своих мечтах он видел себя примерным отцом и семьянином, а в жизни все получалось совсем не так.

– Никак.

По внешней лестнице они спустились на первый этаж. На улице пели весенние птицы, их песни отзывались в душе надеждой и детством. Подала свой голос кукушка. Апрель вступал в свои законные права, одаривая теплом. Молодые светло-зеленые маленькие листочки на деревьях украшали город, делали Ленинск нарядным и молодым.

– Сокол, скажи мне, мужик на БМВ приезжал? – крикнул Андрюха одному из рабочих.

– Да, приезжал, – отозвался тот из-под очередной машины, которую надо было починить. Говорят, руки у Сокола были золотые, он мог починить практически все, даже танк на постаменте заставил бы поехать.

– Ты все сделал?

– Да, все!

– Ладно, я поехал, – обратился Шишков к Егору. – Знаешь что? Давай на выходных встретимся, посидим, выпьем пива?

– Я не против, – отозвался Егор.

Они пожали руки и Андрей направился к своей «Мазде 3».

Из-под машины вылез Сокол – Владимир Соколов. Он поднялся и взглянул на Егора. Тот заметил взгляд и махнул головой, мол, чего смотришь?

– А вы с шефом дружбаны? – спросил механик.

– Вроде того. Мы вместе в школе учились, – ответил Егор. – Давно не виделись. А тут встретились, он работу предложил. А что?

– Да не, ничего. Нормальный он мужик, – Сокол подошел к заваленному хламом длинному столу и грязными руками взял из пачки сигарету. Отошел ближе к входу и закурил. – Я до этого в другом месте работал, в Лисичанске. Начальник у меня был – гнида редкая. Я даже не говорю про то, что зарплату постоянно задерживал. Вел себя с рабочими как скотина. А этот, я смотрю, нормальный.

Егор кивнул в подтверждение. «Что он от меня хочет?» – пытался понять он.

Бренчало радио, музыка вдруг прекратилась и ведущий начал рассказывать о новостях. На Донбассе набирало силу народное недовольство, во многих городах люди выходили на митинги, требуя от киевских властей справедливой политики в отношении русскоязычного населения.

– Вот уроды, – зло сказал Сокол.

– Кто уроды? – не понял Егор.

– Да эти, киевские барыги. Продажные бизнесмены, американские агенты. Тьфу, тошно, смотреть на все, что происходило на Майдане.

– А-а-а-а, да, – отозвался Медянов. – Да был я в Киеве...

Он заметил, как Соколов напрягся и резковато повернулся к нему, подался чуть вперед для «доверительного разговора» по душам, по-мужски. Его ладонь начала сжиматься в кулак.

– Ты че, за этих скакал? – не понял механик.

Егор рассмеялся:

– Да нет, конечно. На заработки ездил, но так ничего и не заработал.

Ответ не убедил Владимира Соколова, он оставался напряжен. Видя, что атмосфера накалилась, Егор решил рассказать историю про церковь, которую чуть не сожгли радикалы в Киеве. Владимир слушал внимательно, а потом внезапно пожал руку Медянову.

– Ну ты, брат, даешь! – восхитился он. – Не каждый бы вписался. Видел я по новостям этот сюжет. Удивительно, что ты там был. Непростое время наступает, – тяжело сказал Сокол. После рассказанной истории напряжение спало и разом установились доверительные отношения.

– Думаешь?

– А что тут думать? Тут готовиться надо...

– К чему? – не понял Егор.

– Заговорился я что-то с тобой. Меня машина вон ждет, – достаточно грубо буркнул Владимир, но напоследок дружески хлопнул Егора по плечу.

* * *

Андрей и Егор сидели в пабе в центре города. Они уже опрокинули пару кружек пива. Разговоры становились более откровенные.

– Не знаю я, что мне делать, – театрально схватился за голову Егор. – Надо было родиться сыном миллионера.

– Надо было родиться нормальным человеком. И у тебя это получилось! – попытался сгладить Шишков.

– Да, нормальных людей бесплатно не кормят, деньги не дают. Не ровня я, видите ли, ей. Семья у них зажиточная, богатая, обеспеченная. А я нищеврод. Да и хрен с ними! Уродами. Что мне с ребенком делать? Я не хочу, чтобы Вероника растила моего ребенка одна или с чужим мужиком. Я не могу оставить их, понимаешь, Андрюха? Но у меня нет абсолютно никаких вариантов! Я не знаю, как переломить ситуацию в свою пользу. Даже если бы я выиграл миллион гривен в лотерею, думаешь, она бы вернулась? Нет! И что делать, я даже не представляю. Я ночами не сплю, пытаюсь решить уравнение. И ничего на ум не приходит!

– Молодые люди, не могли бы вы потише? – обратилась официантка.

Егор зло глянул сквозь нее.

– Пошла прочь...

– Да, конечно, извините, – ответил Андрей.

– Вот так, короче. Ты-то жениться не надумал?

– Жениться? Не, не хочу. Со своей-то мы вместе живем, а официально расписываться не хочу пока. Я в ней еще не уверен. Хочу сначала жилье себе купить, бизнес развить. А там посмотрим. А то отберет еще все, что я нажил.

– Хитрые нынче все, – усмехнулся Егор. – Все с выгодой для себя. Да только разве в этом дело? Дело-то в людях, в человеческом отношении. А все только о деньгах.

– Медный, а куда без них? Не мы придумали их, не нам и менять эту систему. Егорка, забудь обо всем этом. О Нике, о ее родителях, о ребенке. Не говорю, что навсегда. Хотя бы сейчас перестань о них думать.

– В том-то и дело, что не могу я забыть о ребенке. Даже на минуту. Да и о Нике. Я сам без отца рос, у меня не было примера. Я не имею права бросить свое дитя, понимаешь? И придумать ничего не могу, чтобы все вернуть в нормальное русло. Ты сейчас смотришь на самого большого неудачника. Можешь всем обо мне рассказывать, я не обижусь.

Андрей рассмеялся:

– Егорка, что ты несешь? Ты не знаешь еще, какие бывают у людей проблемы. Прорвемся, как сперматозоиды через презерватив! – фраза прозвучала как тост. Медянов от смеха поперхнулся пивом.

Друзья вышли проветриться. Весенняя прохлада пахнула в лицо, приведя немного в чувства после выпитого алкоголя. На улице было шумно – рядом проходил митинг. Мэрия находилась в двух шагах. Несколько сотен людей пришли к ней, чтобы высказать свое недовольство новой киевской властью.

– Пойдем посмотрим, – толкнул Егор товарища.

Они влились в толпу, подошли ближе ко входу в мэрию. Там стояли несколько десятков милиционеров, загородивших путь в здание. Люди требовали нового главу Ленинска, который был назначен новым губернатором Луганской области. Последнего в свою очередь недавно назначили новые украинские власти. Руководство менялось во всех городах и районах, в Луганске в связи с этим проходили масштабные митинги. Ленинск был одним из городов области, в которых протестное движение было особенно сильно.

– Пусть выйдет к народу! – кричали люди, желая увидеть мэра.

– Бандеровец! Пусть выходит! Пусть расскажет нам, кто он.

Люди опасались, что те, кто учинил беспредел в Киеве, приедут сюда и установят здесь свои законы. Многие не подозревали, что члены «Правого сектора» уже действовали на территории региона. Однако действовали осторожно и не так открыто, как на западной и централь-

ной Украине, где они захватывали администрации и другие стратегические здания, вооружались и грозились пойти походом на юго-восток.

Егор всматривался в лица, в каждого, кто стоял рядом, кто что-то кричал или держал в руках казачий флаг. Он заметил знакомое лицо и начал пробираться сквозь толпу к нему, Андрей, расталкивая плотное море людей локтями, последовал за ним.

– Сокол! Ты-то чего тут делаешь? – выкрикнул Егор.

Владимир Соколов стоял в военной форме, на груди у него было две медали. Медянов мельком взглянул на них, но не разглядел, что это за награды. Володя повернул голову и вперил в знакомцев напряженный взгляд, потом улыбнулся.

– А, мужики, здорово! Да вот вышли требовать главу города. Надо тут вопросы уточнить, куда движемся, так сказать.

Только сейчас Егор заметил, что рядом с Соколовым стоит еще десяток людей в военной форме – афганцы и десантники. За ними, в другом конце толпы стояла группа казаков, бородатых, здоровых, с нагайками.

– А мы вышли из бара. Слышим шум, а драки нет, – усмехнулся Медянов.

– Ничего, брат, драка еще будет.

Егор был еще немного навеселе, поэтому не воспринял слова Владимира всерьез. И очень зря.

Митинг длился долго, расходиться никто не собирался. Мужики были настроены на серьезный разговор. Егор не спешил уходить. После Киева он привык уже к народным волнениям. Они с Андреем отошли покурить к лавочке в центре небольшого сквера, который стоял чуть поодаль от мэрии. В этот момент в другом конце толпы начался сильный шум и послышались женские крики.

– Ироды, вы что же творите!

Началось что-то непонятное. Егор оттолкнул незнакомца, стоявшего рядом, и запрыгнул на лавку, чтобы разглядеть происходящее. Он растерялся от увиденного: с другой стороны митинга появились силовики и начали дубинками бить всех, кто попадался им на пути. Люди явно не ожидали такого поворота, жители Ленинска пытались отбежать от эпицентра столкновения. Милиционеры врезались в толпу, они шли по направлению ко входу в мэрию, попутно огревая дубинками попавшихся под руку.

Егор нахмурился. Даже после беспокойного Киева ему эта картина показалась жестокой и несправедливой. Он взглянул на Андрюху и кивнул ему в сторону входа в администрацию города. Они ринулись туда. Расталкивая толпу, друзья снова оказались рядом с Соколовым и его товарищами. Егор сначала думал, что мужики сейчас кинутся в бессмысленную драку с силовиками. Но он ошибся. Десантники и казаки выстроились в цепь и продвигались так, чтобы стать между жителями и милицией, чтобы защитить горожан от дубинок. Сами при этом неслабо получали. Егор и Андрей присоединились к этой цепи, плотно стали с незнакомыми мужиками плечом к плечу.

– Вы что творите? Вы своих бьете! Суки продажные! – кричали казаки и афганцы, отмахиваясь ногами от ударов дубинок.

На секунду Егору задумался о том, что сегодня творится новейшая история. И речь идет не об открытиях и достижениях, а об упадке. Именно к нему толкали невидимые руки западных партнеров. К ненависти, к вражде. И может надо было остановиться, но как?

...Спустя годы, Егор понял, что именно этот день стал решающим в его судьбе. После него не было возврата...

– Медный! Помоги! – раздался рядом голос Соколова.

Егор повернулся и увидел, как Владимир держит под руки здорового мужика, который едва держался на ногах. Темные волосы его были липкими, а левая сторона лица залита

кровью. Медянов сначала не поверил в увиденное, ему показалось, что это спектакль. Глаза незнакомца были закрыты.

– Надо перевязать его. Хватай, оттащим его отсюда.

Взяв под левую руку мужчину, Егор вместе с Владимиром повели его в сторону, подальше от силовиков. Много людей пострадали. Среди избитых были и женщины. Приехали медики, которые оказали первую помощь и забрали некоторых, пострадавших сильнее остальных.

– Его бы тоже в больницу, – сказал Егор, когда они усадили мужика на лавку.

– Нельзя. Его там найдут. А через него и нас всех.

Подоспел Андрияха. Оценил ситуацию, увидел избитого незнакомца в крови.

– Давайте ко мне в автосервис.

Они вызвали такси и прождали совсем немного. Однако таксист не спешил везти раненого.

– Да он мне весь салон испачкает.

Сокол был раздражителен. Все произошедшее у мэрии вывело его из себя. Все пошло не по плану.

– Дружище, – сказал он очень зло, – я тебя дважды просить не собираюсь.

Таксист хотел еще поспорить, чтобы набить цену, но потом решил, что выйдет себе дороже. Они усадили здорового незнакомца в машину, сами быстро впрыгнули в салон и направились в автосервис. По дороге они видели не только машины скорой помощи, но и автозаки, милицейские патрули. Власти усиливали центр города.

– А ведь могли просто поговорить, – произнес в пустоту Соколов.

Доехали быстро. Подняли пострадавшего на второй этаж и уложили на диван.

Расплачиваясь с таксистом, Владимир сказал:

– Кому-то сболтнешь... я твой номер запомнил.

Водитель забрал деньги, показал ему средний палец и удрал.

Наверху Андрей уже перевязал голову избитому. Тот лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал.

Троица вышла покурить.

– Это Боря, мой товарищ, – глубоко затянувшись сказал Соколов. – Мы с ним в Югославии были. Не мог я его бросить. Мне надо было там оставаться, а тут Боря под раздачу попал. Да как саданули сильно, скоты.

– Что теперь дальше будет? – спросил Егор.

– Да хрен его знает. Разгонят всех и вывезят флаги «Правого сектора», – смешался Андрей.

– Не вывезят, – уверенно сказал Сокол. И достал из-за пояса пистолет Макарова. – Мы же по-хорошему хотели. Поговорить. А они зассали даже выйти. Сразу ментов на нас кинули. Это была большая ошибка. Теперь разговор будет другой. У нас мужики боевые, оружие есть.

Андрияха растерялся и как-то по-детски произнес:

– И что, война будет?

– Война против русских уже давно идет. Даже раньше Майдана, – ответил Соколов. – Надо делать выбор: либо Россия, либо Запад. Для меня ответ очевиден. У меня с американцами старые счеты, еще с Югославии, с развала Советского Союза.

Егор вдумчиво слушал, ловил носом весенние запахи, приносимые ветерком. Он отчетливо понял, что стоит на краю неизвестности. И ему очень захотелось жить.

– Сокол, я с тобой, – произнес Медянов. – После Киева... я там насмотрелся на этот бред. Надо помешать им устроить здесь то же самое.

– Егорка, – пристально взглянул на него Владимир. – Киев – это херня. Здесь будет намного хуже.

– И? Я уже сказал. И слов своих назад не беру.

– Может, еще наладится? – голос Андрея прозвучал глухо.

– Будем надеяться, – ухмыльнулся Владимир. – Но готовиться надо к худшему. Сейчас по всему городу и району пойдут облавы.

– Здесь мы будем в безопасности, – уверенно отозвался Андрей. – Я своих на улицу никогда не выгоню.

– Ты рискуешь, – сказал Егор. – Ладно мы. Мне терять особо нечего. Но у тебя бизнес.

– Когда все летит в пропасть, о каком бизнесе может идти речь? Но надо быть осторожными.

– Ничего, мужики, у меня есть на этот случай план, – заявил Соколов. – Это только начало. У вас есть надежные друзья? Одноклассники, сослуживцы?

– Да не служившие мы, – отозвался Егор. – Но созвать пацанов можно.

– Медный, только запомни одно: среди них может быть крыса. Среди нас может быть крыса. Помни это всегда. И будь осторожен. Никогда не говори больше, чем необходимо.

Помолчав, Владимир добавил:

– Надо поднимать народ на протест. Ждать дальше – контрпродуктивно.

К вечеру Борис пришел в себя. До этого времени Соколов все время был рядом с ним.

– Мне пора. Нужно решить кое-какие вопросы. Поговорить с людьми. Давайте, парни.

Друзья переночевали в автосервисе, кое-как обустроив себе места для сна. Боря занимал единственный диван, поэтому Егор занял просторное кресло, а Андрей отправился спать в свой припаркованный возле здания БМВ.

Глубокой ночью Егору не спалось. Борис тяжело и громко сопел, но Медянову не это мешало. События происходили стремительно, и Егор перестал чувствовать себя самим собой, будто со стороны наблюдал. Он открыл глаза и всматривался в темноту. Вскоре она немного рассеялась, глаза привыкли. Одиночество охватило его и вечный космический холод. Как согреться на этой пустой планете людей? Тоскливо как-то стало. Одно слово «тоска», но насколько оно всеобъемлющее, сколько галактик в себя вбирает. Или, может, всю вселенную? Нет... Во вселенной есть место и для любви, и для радости, для счастья. Но в каких забытых уголках они прячутся?

Утро говорило о том, что надо работать. Но мысли парней были заняты совсем другими вопросами. Они стояли и курили. Со второго этажа, держась за поручни, спустился Боря, поблагодарил за помощь и отправился по своим делам.

Соколов, понятное дело, к началу рабочего дня не появился. Егор тоже скучал – никто в этот день мыть машину почему-то не хотел. Один Андрей занимался делами у себя в кабинете.

Егору не сиделось на месте, он постоянно двигался, ходил вокруг автомойки. Отогнал собак, пнул камень и пошатал поручень. Потом присел на ступеньки и закурил.

Ближе к обеду приехал Соколов с двумя мужиками. Из автомобиля, который принадлежал одному из незнакомцев, они достали несколько сумок и понесли их наверх. Егор отправился за ними. Все разместились в кабинете Андрея, который отложил все другие дела. Двух мужиков звали Семен и Армен. Они были людьми проверенными, как сказал Соколов.

– Значит так. За это время мне удалось многое узнать. Самое первое – по поводу вчерашнего разгона. Менты были не наши, их привезли откуда-то с Винницы. Власти посчитали, что местные откажутся творить такую херню. У меня есть знакомые среди наших силовиков. Многие готовы поддержать нас. Не буду посвящать во все детали, это лишнее. Скажу лишь одно – мешать нам не будут.

Второе. Нужно брать администрацию. Срочно. Немедленно. Надо устанавливать свою власть. В Луганске и Донецке сейчас то же самое происходит. Наша главная задача – взять мэрию и объявить о поддержке пророссийского курса Донбасса.

Владимир взял одну из сумок и поставил ее на стол.

– И третье. Надо вооружиться. Оружия у нас предостаточно.

Он расстегнул сумку. Внутри лежало несколько автоматов Калашникова, пистолеты и боеприпасы.

– Берите, мужики. Оружие применять только в случае прямой угрозы для жизни. Мы должны избежать стрельбы во время штурма мэрии. Но в крайнем случае... Мне пообещали, что все пройдет тихо.

– Сокол, – подал голос Егор. – Ты сам вчера говорил... Может, это ловушка? Может, они просто хотят одним ударом зачистить самых недовольных. После этого народ разбредется...

– Светлая твоя голова, Медный. Что делать? Тут без риска никуда. Вечером мы будем либо в мэрии города, либо в застенках СБУ.

– Может, лучше оружие не брать? – предложил Андрей.

– Я думал об этом. Менты нам больше не помешают. Но могут приехать киевские нацики. А те с тобой разговаривать не будут.

– Я вообще не очень знаю, как стрелять, – отозвался Егор.

– Ничего, научишься, – уверенно заявил Соколов. – Сейчас это больше для устрашения. В общем так. Через два часа народ выйдет на митинг. Не опаздывайте. Будем творить историю.

Владимир, Семен и Армен ушли, оставив друзей вдвоем. При этом сумка с оружием так и продолжала лежать на столе.

– Надо куда-то ее убрать, – сказал Андрей. Но прежде он достал АК-47 и начал рассматривать. – Впервые оружие в руках держу.

– Да, – откликнулся Егор, разглядывая пистолет и патроны. – Дела... Я до сих пор не до конца верю в происходящее. Все слишком быстро происходит. Жизнь меняется. И не в лучшую сторону, – он пристально глянул на оружие.

– «Чует мое сердце, мы на пороге грандиозного шухера!» – рассмеялся Андрей, пытаюсь разрядить обстановку. – Я верю, что все будет нормально.

* * *

Весна уже была намного сильнее зимы, в самом своем расцвете. Вот-вот и наступит сладкий май, преданный вассал лета. Зацветут сады, листья будут ярко-зелеными, земля будет отдавать не холодом, а теплом. Пикник какой можно будет устроить!

Возле мэрии собрались сотни людей. Они кричали и выдвигали требования, и хоть вели себя не агрессивно, но недовольство чувствовалось. Вчерашний разгон вызвал у горожан не страх, а возмущение. Поэтому новый митинг был более массовый. Приехали люди из соседних населенных пунктов.

Спустя час Сокол повел большую группу людей, среди которых были Егор и Андрей, напрямик в здание. На входе стояло оцепление, но оно состояло из местных, поэтому они расступились и без стычек пропустили группу Владимира Соколова в мэрию. Для многих митингующих и сотрудников городской администрации это было совершенной неожиданностью. Люди не понимали, что произошло. Большая часть подумала, что это группа переговорщиков отправилась донести свои требования назначенному Киевом мэру. Люди даже немного затихли, ожидая, что же будет дальше.

...Мало кто знал, что милиционеры из Винницы сейчас были заперты в одном из общежитий МВД. Их охраняли местные правоохранители, следили, чтобы те не вышли. Приказ отдал лично начальник милиции города Роман Овчаренко...

Дальше произошло то, что вызвало ликование митингующих. Окно второго этажа открылось и оттуда показался российский флаг. Площадь перед мэрией в одну секунду наполнилась криками радости. Из соседних окон появились флаги ВДВ и Всевеликого войска Донского.

Через полчаса из здания вышел Сокол с несколькими людьми. В руках у Владимира был мегафон. Он волновался. Егор, стоявший рядом, это заметил. Но в то же время от него шла уверенность и сила.

– Меня зовут Владимир Соколов, – громко сказал мужчина в защитном камуфляже и с двумя медалями на груди. Люди затихли, слушая каждое слово. Ветер замер, деревья наклонились к нему, птицы замолкли, солнце потускнело. – Я официально объявляю, что власть в Ленинске отныне и навсегда принадлежит народу!

На этих словах горожане одобрительно загудели, снова повеял весенний ветер, деревья начали подрагивать молодыми листочками, птицы наперебой запели, солнце засветило сильнее, припекая макушки и высказывая свое одобрение.

– Город переходит под защиту народного ополчения. Я призываю всех мужчин, которые могут держать оружие, вступить в ополчение, чтобы защитить свои дома. Прежде всего, это касается профессионалов.

Владимир впервые выступал перед сотнями людей. Он напряженно всматривался в их лица и находил в них одобрение. Это придавало уверенности.

– Мы присоединяемся к требованиям Луганска и Донецка к киевской власти. Требуем автономии! Сегодня мы подготовим официальное заявление по этому поводу и опубликуем его. Ленинск – вместе с Донбассом!

– Да! – раздались крики из толпы.

Милиция стояла рядом и не препятствовала Соколову. Люди кричали: «Милиция с народом!» Через время силовики покинули площадь.

– Победа будет за нами! – подытожил Владимир и, выключив мегафон, развернулся и направился назад в мэрию. Рядом с ним были Армен и Егор.

* * *

– Сделай чаю, родная. Да не дрожи, все хорошо, – успокаивал Андрей секретаршу. – Мы свои. Думаешь, обидим тебя? Глупости. Никто тебя не тронет. Ну, давай. А то в горле пересохло и зябко что-то у вас в администрации.

Девушка, пытаясь прийти в себя после того, как в здание ворвались неизвестные люди, некоторые с оружием, встала и сделала несколько шагов. Андрей вовремя подхватил ее, так как она, вероятно, потеряла сознание. Тихо выругался. Взял ее на руки и положил на стол. Ничего лучшего ему в голову не пришло. В этот момент в предбанник кабинета мэра вошел Сокол с мужиками. Он удивленно посмотрел на все это.

– Андрюха, что ты делаешь? Не время развлекаться!

Все засмеялись.

– Да ну вас, – отозвался парень. – Надо нашатырь найти. Перенервничала девчонка.

– Оно и немудрено, – согласился Егор.

В кабинете сидел мэр, поставленный Киевом. Рядом с ним стояли два человека. Автоматы висели у них на плечах. Градоначальник старался держаться спокойно, в целом у него это получалось.

– Ну что, пора в путь-дорогу, родной! – сказал Сокол, как только вошел. – Отправляйся к себе домой, в Киев. Или откуда ты там.

– Я из Чернигова сам, – зачем-то вставил тот.

– Ну вот, давай в Чернигов. К семье, к друзьям. Ты нам даром не нужен. Вали отсюда.

Мэр испытал облегчение и собирался уже уходить.

– Но сначала ты расскажешь всю информацию, которую знаешь, – остановил его Владимир.

– Да вы что, я обычный чиновник. Что я могу знать? Меня поставили сюда, я и месяца не проработал в Ленинске. Все бумаги лежат в столе, еще часть у секретарши. Что от меня-то надо?!

– Нам на твои бумаги насрать! Нужна неофициальная информация, – надавил на него Соколов.

– Что вы имеете в виду?

– Мне нужны навики, «правосеки». Их схроны, их базы в нашем районе. Все, гнида, рассказывай! И не говори, что ты им не помогал. Все на тебя тут завязано было. Я уверен в этом, – Владимир злился. Егор впервые увидел его таким агрессивным.

Соколов хорошо использовал психологический прием. Сначала он вроде бы отпустил мэра, чему тот несказанно обрадовался. Но потом остановил его, как будто схватил за ворот своими вопросами. Градоначальник расстроился, он понимал, что нельзя упускать такую близкую свободу. Надо что-то рассказывать, ведь его не отпустят. Он скривил лицо. По реакции градоначальника и Владимир, и Егор поняли, что тот что-то знает.

Прерывая мысли-терзания мэра, заговорил Медный:

– Ну не бить же нам тебя. Мы этого не хотим. Ты сам вынуждаешь.

И демонстративно правой ладонью потер левый кулак.

– Мы, наверное, слишком вежливы с ним, – вздохнул Владимир. Он обошел длинный стол и занял пустующее кресло мэра. Сам градоначальник сидел на обычном стуле сбоку от стола. – Да киньте его за решетку. Пусть мечтает о своем мирном Чернигове. Будет ценным заложником.

– Ладно, ладно. Я расскажу, что знаю. Только отпустите меня!

– Другое дело!

И мэр заговорил. Рассказывал около часа.

– Мы тебя отпустим, как я и обещал, – сказал Соколов. – Но пока, чтобы ты своих дружок не предупредил, ты все же побудешь у нас. Никто тебя не тронет. Как только все будет кончено, мы тебя отпустим.

Егор вышел из кабинета. В предбаннике на столе сидел Андрюха. В кресле пила чай секретарша. Шишков что-то ей рассказывал, девушка даже улыбалась.

– Пойдем на улицу покурим? – предложил Медянов.

– Да курите прямо здесь, окно только откройте, – предложила девушка.

– Спасибо.

Курили они молча, думая каждый о своем. А на самом деле об одном: что будет дальше? Выкидывая окурок на улицу, Андрей спросил:

– Как думаешь, по сколько нам светит за все это? Лет десять?

– Не знаю. Наверное, где-то так и есть. А что?

– Да нет, ничего. Еще вчера мы жили, как обычно.

– Так, да не так. Маховик войны уже был запущен, и не нами, – нахмурился Медянов. – Я был в Киеве, я помню, что там творилось. Видимо, все это было неизбежно. К сожалению. Но не мы это начали.

– Да, эпоха перемен. Что дальше-то будет? Думаешь, они услышат наши требования? – с надеждой сказал Андрей.

– Нет, про нас они уже все решили. Давно. А мы теперь дали им повод с нами расправиться. Но они бы его и так нашли.

– Продажные политиканы. Как думаешь, «Правый сектор» уже едет сюда с нами воевать?

– А что им ехать? – хмыкнул Егор. – Они уже здесь.

– Серьезно? – удивился Шишков.

– Серьезней некуда, брат. Мы вот с мэром поговорили. Много интересного узнали. Я сперва даже не поверил. Думал, он приукрасил.

В окне было синее небо, чистое, без облачков. Глубокое и непостижимое. Яркое и приветливое. Казалось, что такое небо сейчас над всем миром. Но где-то были и грозовые тучи, которые несли в себе молнии. Ветер подул в сторону Ленинска.

* * *

Медный зашел в кабинет к мэру, который сейчас занимал Сокол.

– Я домой хочу съездить, – сказал он Владимиру. – Я маму давно не видел. Да и ребенка надо навестить.

Лидер ополчения Ленинска отвлекся от бумаг, которые внимательно изучал, и пристально посмотрел на парня. Затем демонстративно достал пистолет и положил его на стол. Егор понял этот жест: Владимир еще не мог полностью ему доверять, слишком мало они были знакомы. Казалось, что Соколов никому не доверял.

– Мне правда надо. Я завтра вернусь.

– Ты понимаешь, что обладаешь, по сути, секретной информацией.

– Ну ты думаешь, что я сейчас побегу к ним и все расскажу? При всем уважении, Сокол, ты в своем уме?

Владимир тяжело вздохнул. Он колебался, потому что не хотел совершить ошибку.

– Ладно. Ты водить умеешь?

– Да, немного.

– Вот тебе ключи от синего «Жигуля», он во дворе стоит. Чтобы к вечеру уже был здесь.

Понял?

– Договорились, вечером вернусь.

Он забрал ключи и вышел из кабинета. Спустился на первый этаж. Андрюхи нигде не было. Наверное, тоже решал свои личные дела. Или выполнял какое-то поручение. «Машина это хорошо, двадцать минут – и дома», – обрадовался Медный. На автобусе дорога заняла бы не менее часа. К тому же, ходили они в Станицу Мироновскую редко – три раза в день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.